

17. Поляки и евреи – неспиримирность

Поляк никогда не скажет “еврей”, он всегда скажет – “жид”. Причём с подчёркнутым презрением и даже с ненавистью. Это в Польше вошло уже в привычку, так говорили всегда. Польский антисемитизм имеет давнюю историю. Во время раннего Средневековья, когда Россия переживала нашествие тюркских и монгольских племён с Востока, Польша испытывала не менее значительное по последствиям для её судеб нашествие с Запада.

Евреи всей Европы, спасаясь от погромов и притеснений, в течение двух-трёх веков перетекли из Англии, Испании, Франции, Португалии, германских и чешских земель в Польшу.

Постепенно на просторах от Дуная до Вислы образовалось восточноевропейское еврейство, в последующие века весьма повлиявшее на исторические судьбы не только Польши, но и России, и Германии, не говоря уже о Венгрии, Румынии и Украине. Пустив глубокие корни в польскую историю, накопив громадные материальные богатства, создав ростовщическое и бюрократическое сословие, еврейство Польши в феодальные времена не раз объединялось с магнатами и шляхтой для борьбы за польскую государственность в противостоянии немцам, шведам и русским.

Если в Германии им было не особенно комфортно, то Польша приняла их весьма гостеприимно. Они постепенно стали просто необходимы. В них даже нуждались. Ведь у шляхтича была своя система ценностей: он должен был воевать, а “купчить” считалось в Польше занятием весьма низкого свойства. Это было по-шляхетски “грехом и срамом”.

Шляхтич высоко ценил качества рыцарские: военную подготовку, отвагу, физическую силу, способность преодолеть страх даже в момент смертельной опасности. . . Но ведь жизнь есть жизнь. Даже самому лихому шляхтичу нужны деньги на оружие, коня и снаряжение; ему необходимо продавать продукцию со своего фольварка, покупать одежду, ткани, предметы быта и роскоши.

Тут и пригодились еврейские факторы. Проникнув в страну, они быстро расплодились, и когда поляки поняли, что это опасно, экономическая власть уже ушла из их рук. Вся финансовая система практически оказалась в еврейских руках. Местные польские купцы буквально ошалели от этих ловких и энергичных конкурентов – хитрых, пронырливых и спянных внутриплеменной связью. В торговле они занимались откровенным демпингом, проценты по кредитам у них были очень завышены, постепенно еврейские факторы стали монополистами по скупке продукции сельского хозяйства и вывозу её за рубеж. . .

К несчастью для Польши, концентрация еврейства в ней была в последней три-четыре века (если сравнивать долю евреев с долей коренного населения) наибольшей в мире. При Пилсудском в 33-миллионной Польше было уже более 3 миллионов евреев. То есть десять процентов. В польском Сейме – органе высшей власти – более двадцати процентов.

Это было привилегированное сословие. И им хотелось не просто командовать, им хотелось властвовать!

В Польше хорошо помнят широко бытовавшую в еврейской среде тех лет поговорку: “Улицы – ваши, дома – наши”.

В середине тридцатых годов фашистская идеология очень легко нашла сторонников среди националистически настроенной польской молодёжи. В своих газетах и листовках они помещали декларации против пацифизма, провозглашали культ действия, особенно физического. Рос антисемитизм. Совместное проживание поляков с национальными меньшинствами в границах общего государства с самого начала существования Второй Речи Посполитой стало общественной и политической проблемой.

В годы экономического кризиса, во время проникновения в Польшу фашистских идей, отношение к трёхмиллионному еврейскому населению страны стало приобретать формы расовой ненависти.

“Полицейская статистика ежегодных антисемитских проявлений говорит о том, что они становятся всё чаще, всё более длительны, всё больше связаны с жертвами и имеют всё больше участников”, – писал в 1936 году Ксаверий Прушинский.

Самой частой формой дискриминации был бойкот еврейских магазинов. Перед входом в магазины появлялись пикеты, они не допускали “арийцев” в еврейские лавки. Они могли обругать, оскорбить или даже сфотографировать посетителя как “еврейского холуя”, что случалось даже и с министрами.

Нападения на еврейские магазины организовывали боевые дружины национально-радикального лагеря, нелегальной профашистской организации. Антисемитизм находил тысячи способов преследования евреев. Иногда в ход шли палки. Для еврейских студентов в университетах были выделены отдельные скамьи. Евреи в знак протеста не садились на эти лавки, а оставались стоять. Некоторые преподаватели в знак солидарности также не садились за кафедру. В большей части подобное происходило в Виленском университете, где было особенно много евреев.

Объектом атак стала почти вся интеллигенция еврейского происхождения – юристы, врачи, люди творческих профессий. Пока, как в Германии, до преступлений не доходило, но общественный остракизм усиливался. Травля в проправых газетах переходила в истерику.

Еврейская эмиграция, в особенности интеллектуалов, усиливалась. В прессе и с трибун стали всё активнее раздаваться голоса с требованием изгнать вообще всех евреев из Польши.

Сложная экономическая ситуация в стране вынуждала руководителей предвоенной Польши к поискам каких-то радикальных решений. Была даже выработана специальная концепция. Она опиралась на констатацию того факта, что в отношении к тогдашним экономическим возможностям страны Польша перенаселена и что многие миллионы её граждан нищают, и это вызывает серьёзное общественное напряжение, проявлением которого были среди прочего конфликты на экономической почве между поляками, с одной стороны, и евреями и украинцами – с другой.

Попытки успокоить общественность, говоря, что “невидимая рука рынка” всё сама урегулирует, перенаселение и безработицу в том числе, только усугубляли остроту вопроса. И при немецкой оккупации антисемитизм в Польше среди местного населения не угас, а буйно расцвёл. Вместо того чтобы объединиться в общей борьбе с оккупантом, поляки нашли совершенно неожиданный, но для них вполне понятный, объяснимый и даже весьма выгодный приём.

Кроме организации еврейских погромов – при одобрении и поддержке фашистов, – был найден и такой способ: поляки выдавали евреев немцам за небольшое вознаграждение.

Как вспоминают чудом выжившие, “за пределами гетто полно было профессиональных доносчиков-поляков, специализирующихся на распознавании евреев... охотой на евреев занимались и мальчишки. Они бегали за одиночками евреями и кричали: “Jude! Jude!” – чтобы немцы поняли”.

За каждого обнаруженного вне гетто еврея польский доносчик получал 2 килограмма сахара, а месячная норма по карточкам составляла тогда для поляков 200 грамм, дневная же средняя зарплата не превышала 20 злотых. Но так поступали лишь польские мальчишки, взрослый поляк, обнаружив еврея в непопулярном месте, то есть не в гетто, принимался его выселживать. Узнав, где тот скрывается, начинал его шантажировать выдачей немцам. После того как еврей, пытаясь откупиться, отдавал поляку последнее, тот со спокойной душой шёл в германскую жандармерию, чтобы получить свои законные два кило сахара.

Вот как поступали умные поляки!

Учитывая стабильный польский антисемитизм, немцы создали основные лагеря для уничтожения европейских евреев именно в Польше. И поляки безропотно и постыдно выдали немцам 2 млн 800 тысяч евреев из 3 миллионов 300 тысяч, проживавших в стране.

Но ещё до создания лагерей по уничтожению евреев поляки открыли свой счёт в этом деле. На второй день нападения Германии на Советский Союз немецкие войска заняли местечко Едвабно, которое сначала было польским, а в сентябре 1939 года оказалось на советской территории. И сразу в соседних местечках, оказавшихся под немцами, — Радзивиллове, Вонсоши, Визне — начались еврейские погромы. Местные поляки быстро уничтожили несколько сотен евреев, чудом уцелевшим удалось спастись, убежав в Едвабно. Таких оказалось довольно много — более двух тысяч человек.

Но с началом войны с СССР — 10 июля 1941 года — в Едвабно происходит огромный погром, уничтоживший всю местную еврейскую общину. В тот день большая группа живших в Едвабно поляков приняла участие в жестоком уничтожении почти всех тамошних евреев, которые составляли подавляющее большинство жителей местечка.

Сначала их убивали поодиночке — палками, камнями, мучили, отрубали головы, оскверняли трупы. Потом 10 июля около полутора тысяч оставшихся в живых были загнаны в овин и сожжены заживо.

Кое-кто из не потерявших совесть местных жителей вспоминал потом: “Крик из горевшего овина был слышен за два километра. . .”

Это происходило именно тогда, когда лондонские поляки всячески препятствовали созданию польской армии в СССР.

18. Национальный вопрос в армии Андерса

Всё это сохранилось и в менталитете поляков, вступивших в армию Андерса. И перед советским командованием возникла новая проблема. Конечно, совершенно новой она не была, просто раньше её старались не затрагивать. Но в середине апреля 1942 года Г. Жуков поставил перед польским командованием вопрос о дискриминационных решениях в отношении приёма в армию украинцев, белорусов и евреев, проживавших раньше на территории бывшей Польской Республики.

Вразумительного ответа Андерс дать не смог. Однако в его армии не было ни одного офицера украинского или белорусского происхождения. Всё это не ускользнуло от внимания советских военных властей. Берия докладывал Государственному Комитету Обороны:

“Среди польских солдат и офицеров имеют место также и резкие проявления антисемитизма. Генерал Андерс, хотя и принимает евреев — польских граждан — в польскую армию, тем не менее, открыто проявляет антисемитские настроения. Командир 6-й пехотной дивизии Токажевский затребовал из запасного полка на пополнение дивизии 1000 солдат “римско-католического вероисповедования”. Имел место случай, когда в запасном полку всем солдатам-евреям было предложено выйти из строя для прохождения медосмотра, после которого значительное количество евреев было уволено из армии. Евреи систематически подвергаются оскорблениям со стороны солдат и офицеров польской армии”.

Приводится и конкретный случай, произошедший в конце апреля 1942 года. На сборном призывном пункте в Кермине один подофицер выстроил группу призывников и приказал выйти из строя евреям, которых направил в палатки. Ночью на эти палатки напали поляки и избili евреев.

Эвакуированный в Ташкент известный советский писатель В. Иванов записывал в те дни в своём дневнике:

“...Жанно (знакомый семье Ивановых. — Н. П.), призванный в польскую армию, ушёл оттуда — она фашистская, антиеврейская и не испытывает ненависти к немцам, а больше к нам (то есть — к русским), потому, что у них “внутренняя боль”, лагерная, которая им ближе”.

Во время одного из совещаний с советской стороны, когда возник вопрос о призыве в польскую армию, Андерс внезапно выступил с весьма неожиданной просьбой: не направлять к нему польских граждан из национальных меньшинств, прежде всего евреев, а затем украинцев и белорусов.

На это советский представитель ответил, что это ведь польские граждане, и в польско-советском договоре сказано о том, что в польскую армию будут приниматься все граждане Речи Посполитой.

Андерс ответил, что евреев так много, что они заполнят собой всю армию, их наплыв изменит характер армии, перед войной евреев в армии было около трёх процентов, а сейчас их насчитывается, вероятно, больше двадцати. Это он считает недопустимым. Далее Андерс утверждал, что не уверен в украинцах, как будут вести они себя на фронте, он опасается, что во время боя они будут переходить на немецкую сторону. Могут и вести враждебную пропаганду против Советского Союза, что потом отнесут на счёт польской армии.

Одними словом, он как командующий хотел бы иметь с точки зрения национальной армию однородную, польскую, за которую он мог бы нести полную ответственность.

Полковник Евстигнеев — заместитель генерала Панфилова — предложил Андерсу представить по этому вопросу свои соображения в письменном виде, поскольку он не уполномочен сам это решать, заметив, что подобные предложения могут в призывных комиссиях вызвать замешательство: они не сумеют объяснить польским гражданам, почему их не принимают в армию.

Тогда Андерс временно приостановил приём призывников: инструкции, направленные призывным комиссиям по этому вопросу, создавали возможность для больших злоупотреблений, насаждали в армии антисемитизм. Кроме того, таким выступлением Андерс разделил польских граждан на две категории, что с политической точки зрения было абсурдом, не говоря уже о том, что тем самым приток в польскую армию уменьшился на много тысяч человек.

Особенно усилились расовые требования после того, как польская армия переместилась в Иран. В армии Андерса до 20% — каждый пятый — составляли украинцы и белорусы. Они находились в польской армии на положении бесправных, им было запрещено говорить на родном языке.

В польской армии резко повысился антисемитизм, доходивший до открытых убийств солдат-евреев. Вследствие этого около 2000 еврейских солдат дезертировало из польской армии.

На основании инструкции Андерса некоторые офицеры (главным образом, председатели призывных комиссий) издали приказы, запрещающие принимать национальные меньшинства в армию.

Посол Кот, который случайно получил такой приказ, подписанный полковником Рудницким, телеграфировал Андерсу 17 февраля 1942 года:

“...Приказ полковника Рудницкого, запрещающий призыв в армию национальных меньшинств, так сформулирован в отношении евреев, украинцев и белорусов, что советские органы интерпретируют его как запрет польских властей допуска этих национальностей в армию. Мы засыпаны жалобами и протестами лиц этих национальностей против подобной позиции командования. Нельзя ли найти какую-то форму исправления этого приказа, что позволило бы обиженным понять, в чём дело?”

Андерс приказал не отвечать на эту телеграмму, он лишь рассмеялся и сказал, что Рудницкий мог бы написать приказ умнее, чтобы и котам было понятно.

После совещания атмосфера сотрудничества испортилась. Отношение Андерса к вопросу готовности армии свидетельствовало, что на поляках рассчитывать нельзя. Это вызвало со стороны советских властей недоверие к ним. В такой обстановке в первых числах февраля командование армией переезжало на новое место под Ташкент, в Янги-Юль.

19. Антони Иден растерялся...

Не все в Англии желали победы России. Более того, многие так называемые “информированные круги” были убеждены, что Советский Союз скоро капитулирует перед Германией. И выводы из этого были простыми: даже ес-

ли на протяжении короткого времени немцы будут нести в России потери в объёме, превышающем их теперешние потери, то это в какой-то степени облегчит напряжение, испытываемое Англией.

Но шли недели, месяцы, а пессимистические прогнозы насчёт России не оправдывались. Советский народ и его армия несли тяжёлые потери, но сражались с нарастающим упорством. В СССР происходило что-то совсем не похожее на ход войны в Западной Европе. И ценность советского союзника с каждым днём возрастала в глазах лондонского правительства, ещё больше росли симпатии английского народа к СССР.

В такое время Советский Союз вправе был рассчитывать не только на помощь со стороны Англии, как и предусматривал совместный договор, в войне против общего врага, но и на то, что его интересы должны образом будут учтены при послевоенном мирном урегулировании. А эту проблему — послевоенного мирного урегулирования — английское правительство уже активно обсуждало со своим тогда ещё не воевавшим союзником — Соединёнными Штатами.

В начале августа 1941 года состоялось совещание Черчилля с Рузвельтом в гавани Арджентия на острове Ньюфаундленд. Обсудив ряд вопросов, связанных с ходом войны, руководители правительств двух стран приняли Атлантическую хартию, формулирующую цели войны. Говорилось на этом совещании и о конечных целях. Эти цели предусматривали установление после войны англо-американского господства над всем миром. Поэтому предполагалось разоружить все страны, “в то время как Англия и США остаются вооружёнными”. Эти две страны должны были произвести послевоенное урегулирование для “всех народов во всех землях”.

США и Англия собирались по-своему определить и место СССР в послевоенном мире. Печать этих стран ставила под вопрос даже советские государственные границы.

Подобный расклад никак не мог устроить Советское правительство и лично Сталина. В Москве прекрасно понимали империалистические устремления правящих кругов Англии и США. Поэтому проблема согласования позиций по послевоенному мирному урегулированию представлялась столь же важной, как и проблема английской помощи СССР.

Советское правительство настаивало, чтобы Англия осуществила военные акции в Западной Европе с целью оттянуть ряд немецких дивизий с советского фронта, а также ставило вопрос о помощи вооружением и сырьём.

В Лондоне отделялись ссылками на невозможность выполнить советские пожелания и... направляли войска на Ближний Восток. Даже Стаффорд Криппс, наблюдавший в СССР за героическими усилиями советского народа, был возмущён тем, как недобросовестно относится английское правительство к выполнению своих союзнических обязательств. Он считал, “что в Лондоне уделяют мало внимания замечаниям Сталина”.

В Лондоне решили успокоить Сталина дипломатическими средствами, не выполняя, однако, его справедливых требований. Это миссия была возложена на министра иностранных дел Англии А. Идена. Ноябрь и начало декабря 1941 года Иден посвятил подготовке поездки в Москву.

Велись долгие переговоры с Черчиллем и начальниками штабов о том, что можно посулить советскому правительству. Поначалу хотели пообещать послать несколько авиационных эскадрилий на южный участок фронта, потом долго улавливались о дополнительных поставках танков и самолётов в Россию, но вскоре и от этой мысли отказались. Решили вручить Кремлю специальный меморандум с предложением подписать в Москве “совместную англо-советскую декларацию”, провозглашавшую взаимное желание двух стран сотрудничать. Кроме того, намечалось обсудить с советским правительством вопросы послевоенной реконструкции и ряд других. В декларации, которую вёз в Москву Иден, не содержалось никаких конкретных обязательств.

12 декабря 1941 года крейсер “Кент” доставил Идена и сопровождавших его лиц в Мурманск. Отсюда в Москву следовали уже поездом. Переговоры были трудными. Вместо предложенного англичанами проекта декларации советское правительство просто предложило заключить конкретный договор о союзе и взаимной военной помощи между Советским Союзом и Англией в войне против Германии. Кроме этого, предлагалось заключить второй договор, призванный создать “взаимопонимание между Советским Союзом и Англией в отношении решения послевоенных проблем”. К такому предложению

Иден был явно не готов и отказался вести конкретный разговор на эти темы, тем более подписывать конкретные обязательства.

Кроме того, советское правительство подняло вопрос о границах Советского Союза. Идена прямо спросили: обязуется ли Англия при послевоенном мирном урегулировании поддержать советское правительство в том, чтобы границы СССР были признаны по состоянию на 22 июня 1941 года? Растерявшись, Иден пробормотал, что не может дать такого обязательства.

И в этой связи Сталин прямо заявил Идену:

“Всё, о чём мы просим – это восстановить нашу страну в её прошлых границах. Мы должны иметь их по соображениям нашей безопасности... Я должен отметить, что если вы уклоняетесь от этого, то это выглядит так, как если бы вы создавали возможность для расчленения Советского Союза. Я удивлен и поражен тем, что правительство Черчилля занимает такую позицию. Это практически та же позиция, которую занимало правительство Чемберлена”.

20. Первые победы

Конец 1941-го и начало 1942 года ознаменовались одним из крупнейших событий Второй мировой войны. Битва под Москвой закончилась разгромом наступавших германских войск и переходом Красной Армии в контрнаступление. Немцы были отброшены далеко от Москвы. А для США и Англии, как заметил американский историк Роберт Шервуд, это была “зима катастроф”. На Тихом океане и в Азии они несли тяжёлые поражения в боях против Японии.

Потерю крупнейшей военно-морской крепости Сингапур Черчилль считал не только большим несчастьем, но и позором для английских вооружённых сил. Японцы, высадившись 8 февраля 1942 года на острове Сингапур, уже к 15 февраля – всего за неделю – овладели этой важнейшей и прекрасно укрепленной крепостью.

Серьёзного сопротивления англичане оказать не смогли. Они капитулировали, и их общие потери составили 140 тысяч человек убитыми, ранеными и – в основном – пленными, их оказалось более 100 тысяч. Японские войска потеряли в этом сражении менее 10 тысяч человек.

Так что первые девять месяцев 1942 года, по оценке английских историков, “были самым тяжёлым временем” для внешней политики Англии “по причине сознания собственного бессилия, порождённого систематическими военными неудачами и вызванной ими дипломатической слабостью”.

Неудачи Англии и США на тихоокеанском театре военных действий вызвали в Лондоне очень неприятные мысли относительно будущего.

Обстоятельства вынуждали английское правительство пересматривать свои важнейшие концепции. Теперь советско-германский фронт стал главным театром военных действий Второй мировой войны, и это радикально меняло взгляды английского кабинета на роль СССР в войне и, следовательно, на его будущую роль в послевоенном мире.

В Москве Иден обнаружил не только полную уверенность в разгроме Германии, но и готовность в будущем сыграть свою роль в войне на Дальнем Востоке. Узнав о контрнаступлении советских войск под Москвой, Иден выразил желание своими глазами увидеть результаты боёв. Верховное Главнокомандование предоставило такую возможность ему и его коллегам.

Морозным декабрьским днём в Клин, только два дня назад освобождённый войсками 30-й армии от фашистских захватчиков, прибыла колонна легковых автомобилей. В тёплых пальто и меховых шубах из машин вышли члены английской делегации во главе с Иденом. Гости беседовали с нашими бойцами и командирами, делали заметки в записных книжках, фотографировали разрушенный город, разбитую фашистскую технику.

Из Клина англичане выехали к линии фронта. На протяжении 10-15 км шоссе было завалено разбитыми танками, орудиями, автомашинами противника, завалено тысячами трупов германских солдат и офицеров.

С удивлением Иден осматривал исковерканные орудия, изрешечённые огнём наших штурмовиков бронетранспортёры и автомашины с чёрными крестами на бортах. Вскоре шоссе стало непроезжим, и англичанам пришлось идти пешком. Навстречу часто встречались колонны и небольшие группы пленников под конвоем красноармейцев, одетых в тёплые полушубки.

Англичане увидели картину разгрома гитлеровских войск только на одной дороге. Однако в те декабрьские дни кладбища вражеской военной техники,

тысячи трупов фашистских солдат можно было наблюдать на всех дорогах и на заснеженных полях к западу от Москвы.

Возвратившись в Англию, Иден в беседе с представителями прессы сказал: “Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов поистине великолепных”.

21. Визит Сикорского

30 ноября 1941 года на куйбышевском аэродроме встречали самолёт генерала Сикорского. Событие выглядело торжественным: на аэродром, украшенный польскими и советскими государственными флагами, прибыли дипломаты иностранных государств, аккредитованные в Советском Союзе и недавно эвакуированные из прифронтовой Москвы в этот тыловой город.

От имени советского правительства Сикорского приехал встречать заместитель Молотова Вышинский. Был почётный караул из курсантов военного училища, прозвучали государственные гимны. Присутствовали польский посол Кот и генерал Андерс.

Вечером в зале посольства состоялся торжественный ужин с речами. Выступавших лично отбирал посол Кот. Начались приветственные речи в честь Сикорского. В самых изысканных словах его заверяли в своей верности и лояльности. Смешные и претенциозные слова, совершенно не соответствующие реальности происходящего, сразу же испортили Сикорскому настроение.

Он был явно недоволен и не скрывал этого, обратив в конце вечера внимание посла Кота на все эти не к месту льстивые речи и тосты. Ведь выступавшие, никого и ничего сами не представлявшие, с пафосом говорили от имени целых районов, а также городов, от имени Вильно, Львова и прочих, уже с 1939 года находившихся в составе СССР.

Их выступления отдавали дешёвой театральностью. Впрочем, давно известно, что говорить хорошо, много и правильно поляки умеют превосходно...

В следующие дни, после протокольных встреч с руководителями страны, Сикорский много времени проводил с Андерсом. Вряд ли он остался доволен этими беседами. Противоречия между польскими генералами явно углублялись. Сикорский не соглашался с оценкой Андерсом сил и возможностей Советского Союза в ведении войны и его мнением о Красной Армии. Не разделял Сикорский и политических взглядов Андерса. Сикорский несколько раз подчёркивал, что он лично верит в договор и что его необходимо безусловно выполнять и нет оснований сомневаться в лояльности Советского Союза.

Андерс же старался убедить генерала в том, что советским органам доверять нельзя, и стремился навязать ему свои взгляды и планы действий. Но Сикорский их отклонил. Так же решительно Сикорский отверг планы Андерса перевести польскую армию на Ближний Восток. Однако с предложением передислокации в южные районы СССР согласился. Вероятно, на него подействовал необычайно сильный мороз в конце ноября. Эта зима была чрезвычайно холодной. К тому же, как настаивал Андерс, там будут более удобные условия для снабжения армии из английских источников.

На самом же деле Андерс стремился оказаться как можно ближе к границе, надеясь пробиться в Иран или Афганистан, о чём уже давно втихомолку судачили высшие польские военные. Главное – подальше от фронта.

22. “Если поляки не хотят сражаться, то пусть уходят”

В Москву из Куйбышева польская делегация вылетела 2 декабря 1941 года. Транспортный самолёт с высокими гостями охраняла советская истребительная авиация. Сели на Центральном аэродроме. Снова – флаги, гимны, приветственные речи... Разместили поляков в гостинице “Москва”. Там для премьеры и его свиты на седьмом этаже было отведено целое крыло.

Первая встреча Сикорского со Сталиным состоялась вечером 3 декабря. В ней, кроме польского премьеры, участвовали посол Кот, Андерс и переводчики. Присутствовал и Молотов.

В самом начале Сикорский произнёс заранее подготовленную приветственную речь. В ней он выразил удовлетворение тем, что может лично приветствовать Сталина, восхищался боеспособностью Красной армии, хотя в этом была хорошо скрытая издёвка. Немцы стояли под Москвой, но факт оставался

фактом: четыре пятьдесят всех немецких сил отражалось действиями советских войск. Подчеркнул польский премьер и позицию Сталина, который лично руководил обороной Москвы и не покинул столицы, хотя фронт проходил уже в районе пригородов.

Обратил Сикорский внимание и на то, что никогда не вёл против Советского Союза враждебной политики, подчеркнув, что, понимая тяжёлое положение страны и желая оказать ей помощь, он ещё несколько месяцев назад предлагал Лондону и Вашингтону в своей памятной записке открыть второй фронт. Подчеркнул Сикорский и необходимость полной и лояльной реализации советско-польского договора, заметив, что от этого многое зависит в жизни наших народов.

Советские руководители внимательно слушали речь польского премьера, и по их лицам не было заметно, нравится она им или нет. В течение двухчасового совещания удалось обговорить многие текущие военные вопросы, а также общие проблемы польско-советских отношений, не только тесного сотрудничества во время войны, но и взаимоотношения после неё.

Было заключено соглашение о выделении для поляков нового крупного кредита. Только на общественную опеку, то есть заботу о находившихся в стране поляках, советское правительство выделило сто миллионов рублей. Поляки были восхищены.

Договорились также о районах формирования польских войск, куда следовало отправлять польских граждан. Для облегчения им бытовых условий решили выбрать местности с тёплым климатом: район Ташкента, Алма-Аты и весь южный Казахстан.

На советской территории Сикорский предложил сформировать семь дивизий. Это значит, что в СССР должна будет появиться польская армия численностью в 96 тысяч человек. Видимо, разогнавшись, Сикорский добавил, что можно бы перебросить в СССР части, находящиеся сейчас за его пределами, например, бригаду генерала Копаньского, и даже части, находящиеся в Шотландии, а он сам лично принял бы на себя командование этими соединениями. Это был экспромт и явная самодеятельность польского генерала, поскольку англичанам такое ни в коем случае не понравилось бы.

Но внезапно ложку дёгтя в мажорную бочку выступления Сикорского привнёс Андерс. Обрисовав в самых мрачных тонах положение польской армии в СССР, он подчеркнул, что при таком положении армия никогда не получит нужных знаний и навыков и никогда не будет готова к боям.

Андерс утверждал: “Это лишь жалкое прозябание, при котором все человеческие усилия направлены на то, чтобы выжить, притом жить очень плохо. Речь идёт о том, чтобы польская армия как можно быстрее могла сражаться за Польшу вместе с союзниками. Необходимо переместить армию туда, где климатические условия, питание и снабжение позволяли бы обеспечить лучшую подготовку. В связи с трудностями, переживаемыми в настоящее время Советским Союзом, следует обеспечить возможность для Войска Польского удобные поставки с англо-американской стороны. Наиболее подходящей территорией является Иран. Все солдаты и все мужчины, годные к военной службе, должны находиться там...”

Это прозвучало настолько наивно и глупо, что всегда спокойный Сталин не смог сдержать своего раздражения. С явно выраженным неудовольствием он ответил: “Я человек достаточно опытный и старый. Я знаю, что если вы уйдёте в Иран, то сюда уже не вернётесь. Я вижу, что у Англии там много работы, и она нуждается в польских солдатах. Иран находится не так далеко, но англичане могут вас вынудить сражаться с Германией на территории Турции, а завтра может выступить Япония”.

Но Андерс продолжал настаивать на своём. Трагическим тоном он снова перечислил все “ужасы”, с которыми сталкиваются формирующиеся части в Колтубанке, Татищево и Тоцком, горячо уверяя, что это лишь потерянное время. В таких условиях создавать армию нереально.

Всё ещё не преодолев первоначального раздражения, Сталин произнёс: “Если поляки не хотят сражаться, то пусть уходят. По опыту известно: армия остаётся там, где формируется”.

После встречи со Сталиным Сикорский посетил польские части и остался очень доволен их состоянием.

Генерал Андерс на следующий день после встречи с Верховным в беседе с корреспондентом “Правды” Лидиным сказал: “Наиболее ярким из моих

московских впечатлений были встречи с господином Сталиным, Верховным Главнокомандующим Красной армией и вождём Советского Союза. Эти встречи – крупное событие в моей жизни. Каждая фраза Сталина закончена, каждая мысль ясна и обоснована. Мы ехали к господину Сталину с вопросами, от которых зависела судьба нашего дела. Для меня как для солдата, который хочет драться, это были вопросы жизни. Во мне росла полная уверенность в том, что наше дело победит, что под руководством Сталина советско-польские отношения будут великолепны, а трудности забудутся при общей доброй воле и решимости идти вместе до конца. Мы хотим скорее драться, чтобы скорее вернуться в Польшу, к своим семьям и своим очагам, а потом продолжить путь на запад до победы”.

Прекрасная речь, очень хорошее и “правильное” интервью, только – насквозь фальшивое. Всей своей последующей деятельностью Андерс делал всё, чтобы не допустить участия в боях польских частей вместе с Красной армией.

23. Подальше от фронта...

В феврале 1942 года в Ташкенте состоялась советско-польская конференция представителей командований. Представители СССР вновь поинтересовались, когда же польские части будут в состоянии вступить в бой против гитлеровцев? При этом была названа 5-я дивизия, наиболее боеготовая из всех соединений. Проведённые в конце февраля этой дивизией маневры подтвердили это.

Однако Андерс заявил, что, по его мнению, одна польская дивизия утонет в огромной массе советских войск и что вся польская армия должна нанести удар одновременно, ибо только тогда будут достигнуты польские (!) военные и политические цели.

И в это же время Андерс активизировал усилия по выводу армии из СССР. Польская сторона настойчиво добивалась скорейшего выполнения достигнутого в Москве в декабре 1941 года соглашения о выводе части военнослужащих в Иран. Андерс неоднократно просил ускорить вывод 25 тысяч солдат в Иран, а также 2 тысяч лётчиков и моряков – в Англию. При этом было торжественно обещано, что после обучения и боевой подготовки все они вернуться в СССР и примут участие в борьбе на советско-германском фронте. Андерс как всегда врал, привычно и убеждённо. Только кто ему верил?

Положение польских частей в конце 1941 года не менялось. Напряжение в Бузулуке становилось всё сильнее. Постоянно откладывалось решение основных вопросов, поскольку всё внимание Андерса было направлено на перевод войск на юг. Штаб разрастался. Сюда активно принимались старые знакомые Андерса ещё с довоенных пор.

Андерс был доволен: его план переброски войск на юг успешно выполнялся. Девиз “Подальше от фронта, поближе к кухне” исполнялся неукоснительно и незамедлительно. Это стало основным направлением деятельности Андерса. Соответственно изменилась и жизнь в штабе польской армии. Она стала весёлой, сытой и интересной, даже светской. Два-три раза в неделю в доме генерала устраивались весёлые вечеринки. Вызывался военный духовой оркестр, на вечерах присутствовало до двадцати человек.

Всё было: вино и хорошая еда, золото из комиссионки и возможность, превратив с помощью услужливого посла суммы из щедрого советского кредита в английские фунты, переводить их прямо в Англию на свой частный счёт.

Приближался праздник Рождества и нового 1942 года – первые праздники с 1939 года, проводимые на свободе всем составом польских частей. К этому времени все солдаты 5-й дивизии получили новое английское обмундирование – это произошло 21–22 декабря – и быстро распределили его по частям. К празднику, к 23 декабря вся дивизия была уже обмундирована.

В своём отчёте за предыдущий период, отправленном послом Котом министру иностранных дел Рачинскому 5 января 1942 года, польский дипломат писал с удовлетворением:

“... принято решение о переводе армии на юг. Количественный состав определен... Всего 96 000 человек. Наше командование оставляет за собой право на формирование ещё одной, 7-й дивизии. Две существующие дивизии вместе со штабами и службами, а также запасными частями в ближайшее время оставят Заволжье и отбудут на юг... Будет выдано вооружение ещё для

одной дивизии. Средства связи, сапёрное, санитарное и т.п. оборудование будет получено в размерах, необходимых для обучения. Автомшины, лошади и обозное имущество в количестве, необходимом для хозяйственных нужд...

На содержание Войска Польского Советское правительство ассигновало нам в прошлом году 65 миллионов рублей, которые сейчас включают в предельный нам заём на содержание армии в 300 миллионов рублей...

Наши военные утверждают, что советские органы определяют стоимость продовольствия, оружия и оборудования, поставленного ими, по очень низким ценам...

Эту хорошую жизнь несколько портили так называемые "дезертиры".

Так называли лиц, совершавших самовольные отлучки из мест расположения польских частей. Хотя в большинстве случаев их вина заслуживала самое большее нескольких дней ареста, но их расстреливали. Главным образом — за самовольные отлучки, которые расценивались как дезертирство в военное время.

Польская армия в СССР в основном являлась добровольческой армией. Тем не менее, тот, кто изъявлял желание служить и был направлен в часть, уже не имел права, хотя бы на короткое время, её покидать. Во часто случалось так, что солдаты, имевшие в окрестных колхозах свои семьи, уходили к ним на праздники или воскресенья, причём многие из таких колхозов находились примерно в пятнадцати километрах от расположения частей. Затем они через день-два возвращались в части, здесь их задерживали, объявляли дезертирами и решениями "правомочных" и "непогрешимых" судов от имени Речи Посполитой приговаривали к смертной казни через расстрел.

Трудно сказать, было ли это проявлением садизма или упоением никем не контролируемой властью, во всяком случае, от подобного рода приговоров погибли сотни людей.

Резкое ухудшение продовольственной ситуации в СССР и связанного с этим снабжения польской армии стало поводом для неоднократных обращений Андерса к Сталину (по его старой привычке ещё с Лубянки, где он постоянно что-то выпрашивал. В его деле, хранящемся на Лубянке, подшита целая пачка заявлений с просьбами предоставить то кусок сыра, то порцию масла, то ломоть колбасы, то пачку папирос...).

Во время повторной беседы со Сталиным 18 марта 1942 года Андерс стал настаивать на увеличении количества польских военнослужащих, выводимых в Иран. Учитывая сложившееся положение, советское правительство дало согласие на вывод в Иран той части польских войск, которая превышала контингент в 44 тысячи, выразив при этом надежду, что польские войска, оставшиеся в СССР, на советско-польском фронте завоюют себе честь первыми вступить на землю Польши. В эти декларации не верили, по-видимому, даже их составители. Боевые качества польских войск и в особенности его командования, нежелание и неумение воевать достаточно явно проявились в сентябрьской кампании 1939 года.

Но на территории СССР оставались самые боеспособные части и соединения: 5-я, 6-я, 7-я дивизии, учебный центр, запасной полк, артиллерийская школа и пр.

Наконец, всё пришло в движение (с затаённой у штабных и весьма обоснованной надеждой, что они уйдут в Иран и уже не вернуться). Поэтому так спешили с направлением туда всех польских частей.

Прибыли в Джелал-Абад за десять дней. Выгрузились и прошли по городку сомкнутым строем с оркестром и песнями.

24. Армия желает драпать...

Согласие советских властей на частичный вывод польских войск было получено Андерсом ещё и потому, что, со своей стороны, этого усиленно добились англичане.

Ещё в декабре, во время переговоров в Кремле, Сталин заявил, что американцы и англичане нажимают на него, чтобы он согласился на вывод польской армии из СССР, однако тогда не было такой спешки.

Теперь же, когда японцы начали добиваться успеха в Индии, английские войска со Среднего Востока были вынужденно переброшены туда. На Среднем Востоке образовалась пустота, тем более опасная, что в Африке наступали немцы, и их проникновение в Ирак было довольно реальным, поэтому

создаваяшюся брешь следовало как можно быстрее заполнить. И польские войска очень подошли бы для этой цели.

По этому вопросу постоянно велись разговоры между Андерсом и Гульсом, а также между послом Котом, английским и американским послами в Москве.

Ещё за десять дней до принятия решения об эвакуации Кот в телеграмме от 8 марта 1942 года жаловался Сикорскому:

“...Эвакуация войск, несомненно, саботируется. Совершенно естественно, что это беспокоит англичан...”

Можно подумать, что пишет это не польский, а английский посол, защитник интересов Великобритании!

Именно тогда Сталин прямо выразил своё недовольство деятельностью польского посла. Он обвинил его в том, что он портит репутацию Советского Союза, жалуясь на советское правительство дипломатам, особенно англичанам. По словам Андерса, Сталин сказал просто: *“...дурак этот ваш Кот”*.

Для подобного высказывания у Сталина были все основания. Взаимоотношения между польскими и советскими офицерами ухудшалось изо дня в день. Все видели уже ничем не прикрытую позицию польского штаба, не только недоброжелательную, но и явно враждебную.

Посол Кот, услышав подробности о ходе беседы со Сталиным и данную ему характеристику, очень обиделся. Его называли “дураком”!

— Как же это, — говорил он, обращаясь к Андерсу. — Вы ничего на это не ответили Сталину, ведь это оскорбление!

Андерс промолчал, лишь улыбнувшись в ответ, а позднее, в частной беседе, посмеялся над этим, говоря: “Мне трудно было защищать посла Кота, так как я сам в этом вопросе согласен с мнением Сталина”.

И вполне справедливо советский посол при эмигрантских правительствах Богомолов сообщал ещё в мае 1942 года в Москву: *“...польское правительство в эмиграции считает, что мы перед Польшей в неоплатном долгу, и если мы сейчас что-либо делаем для поляков, то со стороны поляков великим подвигом и большой уступкой своему самолюбию является принятие этой помощи”*.

В польском штабе ни о чём другом не говорилось, а лишь об уходе, причём — о скорейшем. Вопрос этот был тем более неприятным, поскольку немецкое наступление в направлении на Кавказ и Волгу развивалось успешно.

Андерс неустанно предсказывал поражение Красной армии и падение Советского Союза. В его штабе даже распространялись предсказания всяких доморощенных астрологов с гороскопами, говорящими о поражении России.

Возбуждение поляков в те дни было огромным. Вся атмосфера польского штаба была пронизана лишь одной мыслью: драпать! Как можно скорее драпать!

Неожиданно появилась информация, что генерал Воликовский — польский военный атташе при посольстве — ведёт какую-то таинственную разведывательную работу, собирая с помощью агентуры сведения военного характера. Это, конечно, быстро стало известно советским властям, и генерал Панфилов поставил данный вопрос перед Андерсом, а посол Кот написал Сикорскому о необходимости отзыва Воликовского.

Компрометация была столь велика, что Воликовский очень быстро был снят со своей должности и вскоре покинул Советский Союз. То же самое произошло и с ротмистром Пшездецким, также замешанным в подобных делах.

В связи с этим полякам пришлось ликвидировать свою радиостанцию в Москве, которой руководил подполковник Бортновский, штатный сотрудник польской “двуйки” ещё с довоенных времён.

Подозрения советской стороны в отношении радиостанции были обоснованными. Бортновский придерживался тех же взглядов, что и лондонская “двуйка”: Советский Союз — это враг. К тому же, не удалось скрыть тот факт, что часть сотрудников польской разведки сотрудничала с Германией.

Сбор польским военным атташе сведений совершенно секретного военного характера вызывал вопрос: для кого он это делал? Перед лицом этих фактов советские органы отказались от сомнительных услуг польской радиостанции.

Не прошло двух-трёх недель, как разразился новый скандал. Один из чиновников польского посольства, представитель общественной опеки, и имевший в связи с этой должностью возможность разъезжать по стране, по приезде из командировки остановился в гостинице “Гранд-отель” в Куйбышеве.

Сразу же после размещения в номере он отправился в ресторан, там вдрызг напился и забыл свой портфель с документами в ресторане. Администрация ресторана нашла его и передала в НКВД.

Оказалось, что в портфеле находились инструкции посольства, предлагавшие вести на территории СССР разведывательную работу. Кроме того, там находились донесения о состоянии дорог, железнодорожного транспорта, о положении и настроении населения. И ещё много всего.

Посол Кот не мог от этого отречься, так как такую инструкцию действительно составил и издал от имени посольства советник, правая рука и доверенное лицо посла Табачинский. Поэтому вскоре после этого скандала посол Кот вынужден был покинуть свой пост. Между Советским Союзом и поляками произошло такое нагромождение недоразумений (деликатно назовём это так), что о согласии трудно было бы даже и мечтать.

Все в СССР только и думали, чтобы эти “союзники” поскорее убралась бы из страны. Только не следует думать, что все шпионские действия поляков остались хотя и замеченными, но безнаказанными. 14 октября 1942 года НКВД вынес на Политбюро дело об арестованных сотрудниках и представителях польского посольства. Шестнадцать из них пошли под трибунал – время военное – как “проводившие шпионскую и другую вражескую работу против СССР”, а семьдесят восемь человек были выдворены из страны. В Польше об этом позорном эпизоде своей “дипломатии” глухо молчат по сей день.

25. В объятиях англичан

1 апреля 1942 года Андерс вылетел в Лондон. Его сопровождал подполковник Гуллс. Взял Андерс с собой и любовницу – госпожу С. М.

Маршрут вёл через Ташкент, Баку, Тегеран, Багдад, Иерусалим, Каир. В Каире задержались на несколько дней. Андерс был в восторге от господствующего среди англичан настроения, особенно милыми его сердцу оказались генерал Окинлек, командующий войсками на Среднем Востоке, и государственный министр Кейси, входивший в состав военного кабинета Черчилля.

При посредстве Гуллса Андерс провёл с ними ряд бесед. И именно здесь в первых числах апреля состоялось принципиальное решение о выводе всех польских войск из Советского Союза на Средний Восток.

Андерс обещал передать в распоряжение англичан шесть полноценных боевых дивизий. Английский командующий был восхищён таким предложением и на прощанье устроил в честь Андерса банкет, на котором присутствовали восемнадцать английских генералов, вся командная верхушка Среднего Востока. Андерса торжественно заверили, что все польские войска придут на Средний Восток и поступят под английское командование.

В это время на Среднем Востоке англичане испытывали огромный недостаток в войсках, поэтому обещанные Андерсом шесть дивизий (вооружённые и сформированные за счёт СССР) были для них манной небесной.

С этого момента Андерс для англичан стал более выгоден, чем Сикорский. Он только давал и ничего не требовал. Поэтому они стали сеять различные недоумения между этими двумя генералами, решительно поддерживая Андерса. Всем этим Андерс был очень доволен, так как почти полностью выполнил свои планы и к тому же приобрёл могущественного покровителя. Теперь ему оставалось лишь проследить за реализацией своих планов и соблюдением личных интересов, чтобы сохранить за собой командование армией.

Следует подчеркнуть, что все переговоры Андерса с англичанами велись без ведома и согласия польского правительства и самого Сикорского. Зная взгляды и намерения Сикорского в этих делах, необходимо сказать, что подобные переговоры противоречили его самым важным планам. Кроме того, это было определённым сговором с деятелями иностранного государства против намерения своего правительства и верховного главнокомандующего.

На обратном пути – летели через Западную Африку – в Лагосе новым пассажиром оказался возвращавшийся из Индии после своей неудачной там миссии министр Криппс. Андерс знал его ещё по Москве, а сейчас установил более тесный контакт.

В беседе по поводу тяжёлого положения в Индии был затронут вопрос об использовании польских частей на Среднем Востоке, что облегчало поло-

жение английских войск и давало им определённую свободу действий. Криппс это хорошо понял. Его также целиком устраивала эта точка зрения, и Андерс для своих планов приобретал ещё одного сторонника – министра, входившего в состав военного кабинета премьера Черчилля.

20 апреля 1942 года, после трехнедельного путешествия через Ближний Восток и Западную Африку прибыли в Лондон.

Начались совещания с Сикорским. Положения у польских генералов были разные. Сикорский не хотел и слышать о выводе польских войск из СССР, Андерс же стоял на позиции, что необходимо всячески помогать только англичанам и использовать войска только под их командованием и там, где они посчитают более необходимым. Поляки должны были стать, по Андерсу, иностранным легионом для англичан.

Чтобы подкрепить свою позицию, Андерс начал активные контакты с английскими официальными лицами. После встречи в Каире с представителями английского командования, о которых те в благоприятном для поляка смысле информировали Лондон, Андерса в английской столице встретили хорошо. Ему организовали встречи с начальником имперского генштаба Великобритании фельдмаршалом Аланом Бруксом, принял его и Черчилль.

Англичане знали, о чём хлопотали, – сто тысяч польских солдат в то время, в том месте и в той обстановке очень нужны были империи.

Не забывал Андерс и о своих личных интересах. Во время поездки в Шотландию якобы для инспекции находившихся там польских частей Андерс передал находившемуся там брату Тадеушу купленные на советские деньги в СССР драгоценности, чтобы тот положил их в Шотландский банк на своё имя. Андерс был предусмотрителен: он не хотел оставлять явных следов, обратившись в один из лондонских банков.

Андерс был доволен поездкой. Он вошёл в более плотный контакт с англичанами, понял, что его позиция более устраивает их, чем позиция Сикорского, узнал, как надо действовать в условиях лондонской бюрократии.

Можно было возвращаться.

26. Советский Союз в кольце фронтов

Осенью 1941 года фашисты вступили на землю Крыма. Первый бой на подступах к Севастополю начался 1 ноября у Бахчисарая. Затем продвижение германских войск замедлилось, и 21 ноября немцы были вынуждены под Севастополем перейти к обороне. 17 декабря началось их второе неудачное наступление на город в районе реки Бельбек. Третье наступление началось 7 июня 1942 года. 30 июня начались уличные бои в городе. После 250 дней обороны защитники Севастополя были с 1 по 3 июля 1942 года эвакуированы.

В результате потери Крыма, поражения советских войск в районе Барвенкова, в Донбассе и под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подведя свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. К середине июля, отбросив советские войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суворовкина до Ростова, войска противника завязали бой в большой излучине Дона, стремясь прорваться к Сталинграду.

В результате вынужденного отхода советских войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района, снабжавшего нефтью армию и промышленность.

Народный комиссар обороны И. В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227. Этим приказом вводились жёсткие меры борьбы с паникёрами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались “отступательные” настроения. В нём говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование “Ни шагу назад!”

17 июля 1942 года Гитлер приказал овладеть Сталинградом не позднее 25 июля. Но темпы продвижения частей вермахта быстро снизились, несмотря на превосходство в живой силе и военной технике. 60–80 километров от реки Чир и Цимлы до Сталинграда они преодолевали целых два месяца, хотя силы фашистов на этом участке превосходили наши в 6–7 раз. Этот путь они называли “дорогой смерти”.

Лишь в половине августа 1942 года армия Паулюса, преодолев сопротивление советских частей на реке Чир, вышла к западным подступам Сталинграда.

Несколько раньше гитлеровские войска заняли Майкоп, снова взяли Ростов, оставленный ими минувшей осенью. Германские войска хотя и несколько замедленно, но осуществляли главную стратегическую задачу этого года: отрезать советские армии от кавказской нефти, от кубанского хлеба. Они стремились выйти широким фронтом на Нижнюю Волгу и оттуда развивать дальнейшее наступление на Саратов, Рязань, чтобы взять с тыла Москву и закончить борьбу разгромом Советской России.

Внимание всех штабов мира было приковано к Сталинграду. Именно здесь, как тогда многим казалось, разыгрывался последний акт затянувшейся трагедии русского сопротивления.

Защитники города напрягали все силы, чтобы не допустить врага к Волге. Но справа и слева от города гитлеровские солдаты уже черпали касками волжскую воду. Защитники города яростно дрались за руины, казалось бы, потерявшие всякую реальную ценность. В эти дни Сталинград стал символом героического сопротивления России.

Город этот притягивал внимание во всех столицах воюющих стран или пока нейтральных государств. Даже в Виши, временной столице разгромленной Франции, марионеточные правители ждали сигнала к действию. Старый маршал Петэн заискивал перед Гитлером, призывал к крестовому походу против России. Он торопливо собирал для этого “антибольшевистский легион добровольцев”.

Квантунская армия в Маньчжурии перешла на военное положение в эти дни. Японские дивизии, подтянутые к советским границам, стояли наготове, чтобы в любой час вторгнуться в Забайкалье, в Приморье, в Сибирь...

В Анкаре турецкий штаб подтягивал войска к Арарату...

27. Вокруг “Второго фронта”

Даже летом 1942 года союзники ещё не были полностью уверены в том, что Советский Союз выстоит в этой страшной борьбе. Они начали двойную игру по отношению к СССР.

Черчилль прилетел в Москву в августе 1942 года, в период самых напряжённых боев в предгорьях Кавказа. Сражения шли на последних рубежах на пути к Баку – на реке Терек.

К этому времени союзники так и не выполнили обещаний, закреплённых в тех договорах, которые они подписали. Хотя в самые напряжённые дни боёв на Кавказе Черчилль писал Сталину о своём горячем желании оказать Советскому Союзу помощь, на самом же деле его заботили совершенно иные, давно уже разработанные планы. Но в своём послании английский премьер делился очень откровенно строго секретной информацией.

“Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря, подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии”.

Это была прямая попытка напугать Сталина, уверить его, что основные действия в этой войне произойдут в связи с достижением немцами Каспийского моря. И Черчилль настойчиво продолжает свою линию: *“Мне кажется, что тем большее значение приобретает план, о котором я говорил Вам, усиления нами с американской помощью Ваших военно-воздушных сил на каспийском и кавказском театрах двадцатью британскими и американскими эскадрильями”.*

Английский премьер продолжал лелеять свою давнюю мечту – под шум войны прибрать к рукам кавказскую нефть.

Поэтому ещё раньше Черчилль принял определённые меры. В конце концов, для генерального штаба не должно стать полной неожиданностью его решение о предстоящей операции на Ближнем Востоке. Черчилль писал: *“Начальник штаба должен подготовить проект посылки авиасоединений. Я сделаю предложение Сталину, которое, возможно, до ноября не удастся осуществить, но оно даст возможность начать работу по ознакомлению с посадочными площадками и подготовке таких площадок. Это обеспечит нам доступ в русскую зону в Персии и на Кавказ”.*

Черчилль был уверен (точнее — уверял читателей в своих послевоенных мемуарах), что операции во Французской Северной Африке явятся гораздо лучшей возможностью оказать помощь русскому фронту в 1942 году. С 24 июля 1942 года эта военная операция получила условное наименование “Торч” (“Факел”).

Теперь надо было преподнести всё это Сталину.

Весьма сомневаясь, что ему удастся одному убедить Сталина, Черчилль стал настаивать, чтобы вместе с ним в Москву приехал Гарриман. Черчилль очень опасался резко негативной реакции советского правительства на отказ союзников открыть второй фронт в Европе в 1942 году.

В июле 1942 года он направил Сталину телеграмму с предложением о личной встрече. Сталин пригласил английского премьеря прибыть в Москву.

Чтобы обеспечить наверняка приезд американца, Черчилль направил телеграмму Рузвельту: *“Мне бы очень хотелось иметь Вашу помощь и поддержку в моих переговорах с Джо. Не сможете ли Вы сделать так, чтобы Аверелл поехал со мной? Мне кажется, дело пойдёт успешнее, если будет казаться, что мы вместе...”*

12 августа 1942 года на совещание в Москву со Сталиным прибыли Черчилль, начальник генерального штаба Брук и генерал Вавель. В английскую группу, разместившуюся в трёх самолётах, входили генерал Уэйвел (который говорил по-русски), маршал авиации Теддер и сэр Александр Кадоган.

Черчилль не просто хотел встречи с советским лидером. Его задача была сложнее и труднее: надо было убедить Сталина, что, вопреки всем прежним договорённостям, второй фронт в Европе англичане в 1942 году открыть не смогут. Поэтому он вёз с собой такую представительную свиту, надеясь с их помощью убедить Сталина многочисленными аргументами о невозможности открыть второй фронт. Но в то же время Черчилль вёз в Москву план “Торч” — о боевых действиях в Египте и Северной Африке, в сентябре и октябре текущего года. Англичанам это было нужнее.

Пока Черчилль во время полёта угрюмо размышлял о том, как преподнести всё это Сталину, его свита, для которой всё уже давно было ясно, развлекалась воюю. Генерал Уэйвелл, считавший себя поэтом, сочинил перед полётом шуточную песенку с припевом: “Не будет второго фронта в 1942 году. Это всё равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс”. И вся компания с удовольствием распевала её, поскольку виски они взяли с собой во вполне достаточном количестве.

... Совещание в Москве со Сталиным началось тяжело. Советскому лидеру было, безусловно, хорошо известно, с какой целью английский премьер прибыл в Москву, но он надеялся, что в ходе переговоров удастся найти общее решение и открыть второй фронт, как и было предусмотрено соглашением.

Черчилль с первой же минуты встречи стал играть “полную откровенность”. Заявил, что не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Ведь ещё в Лондоне он заявил Молотову, что англичане попытаются составить планы диверсии во Франции. Но одновременно он заявил Молотову, что не может дать никаких обещаний относительно 1942 года, и вручил ему меморандум по этому вопросу.

Однако, истощающе изучив вместе с американцами все аспекты проблемы, они пришли к выводу (американское и английское правительства), что не представляется возможным предпринять крупную операцию в сентябре, поскольку он является последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду.

Однако, как известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат весной 1943 года. Конечно, Черчилль понимает, что этот план не даёт никакой помощи России в 1942 году, но он считает возможным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь...

Сталин выслушал всё это с весьма хмурым видом. Доводы англичанина явно его не убедили. И он, отбросив дипломатию, заявил Черчиллю, что, насколько он понимает, англичане не могут создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотят даже высадить шесть дивизий.

Черчилль был вынужден ответить, что дело обстоит именно так. По поводу высадки шести дивизий он считал, что это принесёт больше вреда, чем

пользы. Если бы, бросив в дело 150–200 тысяч человек, мы могли бы оказать помощь, отвлекая с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако если это не отвлечёт с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин ответил, что он придерживается другого мнения о войне. И спросил прямо: почему англичане так боятся немцев? Он не может этого понять. И добавил, глядя прямо в лицо английскому премьеру, что англичане — трусы, что они боятся сражаться, что они лжецы, что не держат слова и не выполняют союзнических обязательств.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов, Сталин сказал, что, если мы не можем провести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что не согласен с доводами Черчилля.

Черчилль понял, что его пышное выступление прошло впустую. И он мгновенно пустил в ход “домашнюю” заготовку. Наступил момент красиво представить операцию “Торч”. И Черчилль торжественно произнёс, что хочет вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 году, ради чего он и приехал.

Сталин взглянул на него с интересом. А английский премьер продолжал с подъёмом, что вряд ли Франция является единственным местом для такой операции. Есть и другие места, и они с американцами — это он особо акцентировал! — приняли решение относительно другого плана, который американский президент разрешил сообщить Сталину под полным секретом.

При этих словах Сталин привстал, улыбнулся и сказал, что, как он надеется, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати. Эта шутка вдохновила Черчилля, и он с подъёмом стал развязывать детали операции “Торч”, что вызвало самый живейший интерес у Сталина. Он уточнил несколько чисто военных деталей, остановился на политических аспектах предстоящей операции, в частности — что случится в Испании и в вишистской Франции? Но больше всего советского лидера интересовали сроки проведения этой операции.

Черчилль вздохнул облегчённо — всё шло, как он и планировал. Сталина заинтересовать удалось. Поэтому английский премьер назвал дату — 30 октября, но тут же пояснил, что все они — и американский президент тоже — стараются передвинуть срок на 7 октября. И это, как ему показалось, вызвало вздох облегчения и у советской стороны.

А Черчилль, вдохновлённый первым успехом, продолжал: *“Освобождение Средиземного моря даст возможность открыть ещё один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре — в Северной Африке. Если же к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года. Это и есть то, что мы с американским президентом решили сделать”*

В азарте, чтобы совершенно наглядно продемонстрировать свои предложения, Черчилль придвинул к себе лист бумаги и нарисовал на нём страшного крокодила, стараясь объяснить Сталину с помощью этого рисунка, как они с американцами намерены атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как русские атакуют его жёсткую морду.

Сталин, который казался теперь очень заинтересованным, сказал: “Дай Бог, чтобы это предприятие удалось”. И Черчилль тут же подхватил: “Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году”.

Внезапно Сталин заговорил о стратегических аспектах предлагаемого плана. Со свойственной ему спокойной обстоятельностью советский лидер перечислил четыре основных вывода в пользу “Торча”.

Во-первых, это нанесёт Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвёртых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Черчилль был поражён, с какой точностью, быстротой и полнотой советский лидер овладел проблемой, которая была для него совершенно новой и даже неожиданной.

Это сталинское заявление произвело на него глубокое впечатление. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять сооб-

ражения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он же всё это оценил молниеносно.

Впрочем, Черчилль дал такую оценку высказыванию Сталина лишь много времени спустя после окончания войны, в своих мемуарах.

Вернувшись в Лондон и подводя итоги своей московской миссии, Черчилль писал американскому президенту: *“...я, может быть, смотрел на вещи слишком мрачно. Но считаю, что я должен сделать скидку на прискорбное разочарование, которое они (русские) испытывают здесь в связи с тем, что мы ничего не можем сделать, чтобы помочь им в их колоссальной борьбе. В конце концов, они проглотили эту горькую пилюлю. Теперь мы должны обратить всё своё внимание на ускорение операции “Торч” и на разгром Роммеля”*.

28. Поляки не у дел

В это время отношения между польским штабом и советскими офицерами связи были прохладными, но внешне вполне корректными. Поддерживались лишь необходимые контакты и только официально.

Находясь в Москве, Андерс ни с кем из представителей советских властей не разговаривал, да, собственно, и говорить ему было не о чем. Всё было кончено. Никто его не встречал, и никто не провожал. И у Черчилля не сразу нашлось время для беседы с поляком. Сталин пригласил его в свою кремлёвскую квартиру “выпить рюмочку”, и эта “рюмочка” протянулась с 8 часов 30 минут утра до 2 часов 30 минут пополудни, что вместе с предыдущей беседой составило более семи часов.

Переводчик Черчилля майор Бирс позвонил на дачу Сталина, где терпеливо ждал Андерс, и извинился за задержку. Лишь в три часа усталый Черчилль вернулся от Сталина. Было заметно, что он доволен. А в шесть часов английский премьер должен был вылететь в Каир.

В общем-то, во встрече с поляком необходимости особой не было, он своё дело уже сделал, и это был отработанный материал. Англичане этого и не скрывали. Всё время английский премьер был занят на совещаниях со Сталиным, которые продолжались сначала по несколько часов, а потом чуть ли не целыми днями.

Из разговора с Черчиллем Андерсу стало ясно, что Черчилля абсолютно не интересовали польские дела. Он хотел лишь узнать, как Андерс оценивает Красную армию и сегодняшний военный потенциал Советского Союза.

А вот к этому вопросу Андерс был совершенно не готов. Он его просто не знал и знать не хотел. Всё, что его интересовало, это польская армия и её предполагаемое использование. А этой темы Черчилль вообще не коснулся.

Поэтому Сталин задаваемые английским премьером вопросы поляк ответить не мог, никаких цифр не знал, о положении на фронте и в тылу не имел ни малейшего представления.

Черчилля особенно интересовали бои в Сталинграде и на Кавказе, ему хотелось получить какие-то подробности, но Андерс мог только пробормотать, что бои там идут. Черчилль был поражён полным невежеством Андерса в этом вопросе. И он не был согласен с общей отрицательной оценкой, которую давал Андерс положению в Советском Союзе. Черчилля не интересовала общая оценка, то есть просто трёп поляка, тем более что он с ней не соглашался, а голословного утверждения для него было недостаточно.

Поэтому Черчилль просто прервал разговор и пригласил Андерса в Каир, где у него будет больше свободного времени. Это значило, что поляк должен подготовиться к этому разговору серьёзно.

Андерс должен был к этому времени свою оценку о невозможности продолжения войны Советским Союзом подкрепить соответствующими данными. Особенно там, где речь шла о Кавказе, который, как утверждал Андерс, в ближайшее время падёт. Черчилля интересовал не Кавказ как таковой, а бакинская нефть.

В отличие от поляков, пытающихся заниматься политикой, Черчилль был политиком. И все свои действия просчитывал на несколько шагов вперёд.

...В Янги-Юле, куда непродуманно были переведены польские части, в обстановке полного отсутствия жилья, бытовых условий, трудностей с продуктами и медицинским обслуживанием, обстановка была ужасной. Началась эпидемия тифа, с приходом жары началась дизентерия, потом желтуха

и малярия. Больных приходилось считать не сотнями, а тысячами. Хотя советская сторона ещё на совещании 3 декабря 1941 года настойчиво предупредила, что в этом районе нездоровый и малярийный климат.

Но всё это вполне отвечало замыслам Андерса. Он стал забрасывать и Лондон, и Москву телеграммами об ужасных условиях, настаивая на скорейшем выводе всех поляков — и с семьями, конечно, — в Иран. Он даже стал приказывать командирам отдельных частей присылать рапорты о состоянии войск, увеличивая в них количество заболевших.

В первых числах июня Андерс вызвал к себе Богуша, являвшегося тогда начальником штаба польской армии и заместителем командующего, и предложил ему подготовить длинную телеграмму на имя Сикорского, чтобы убедить того в безусловной необходимости вывода польских войск из Советского Союза и получить на это его согласие.

В телеграмме, составленной этими генералами, указывалось, что армия голодает, не хватает продовольствия, а на улучшение условий питания нет надежды, и если так будет продолжаться, то армия просто погибнет от голода. Затем говорилось и о нехватке оружия и отсутствии надежд на его получение (здесь Андерс совершенно “забывает”, что оружие должны были доставить из Англии, но так и не доставили), что срывает возможность обучения солдат. И если такое положение будет продолжаться, это лишь деморализует армию, что может привести к серьёзным эксцессам, за которые он не мог бы взять на себя ответственность.

И в заключение подчёркивалось, что вследствие плохих местных условий дислокации, положение с заболеваемостью прямо-таки катастрофическое, что ежедневно умирает по несколько десятков человек, а тысячи лежат больными. Единственное спасение — это быстрая эвакуация из Советского Союза всего личного состава, тем более что советские органы весьма враждебно относятся к польской армии (здесь Андерс привычно врал).

Андерс был уверен, что этой телеграммой он заставит Сикорского принять решение о выводе польских войск, и его обещание англичанам доставить им польских солдат будет выполнено. Но через несколько дней из Лондона пришёл ответ, датированный 12 июня, но совершенно не такой, какого ожидал Андерс. Сикорский категорически запретил польским войскам покидать пределы Советского Союза. Он писал: *“...армия для более высоких политических целей обязана остаться в СССР”*.

Он приказывал это не только как верховный главнокомандующий, но и как премьер-министр. И даже дополнительно прислал Андерсу решение совета министров по этому вопросу, предлагавшее ему остаться в СССР.

В “польском” Лондоне явно произошли какие-то изменения. Текст обоих телеграмм был весьма решительного свойства.

Требую в своём приказе, чтобы польская армия, безусловно, осталась в Советском Союзе и вместе с Красной армией воевала против Германии, Сикорский предлагал повысить моральное состояние солдат и офицеров и обращал внимание на то, что всяческие трудности, если они и имеются (он не верил, что они доходят до размеров, описываемых Андерсом), вполне можно преодолеть, так как на фронте могут быть ещё более тяжёлые условия. (Это упоминание о фронте особенно напугало труса Андерса).

Он писал также, что гражданское население находится в значительно худшем положении, чем организованные части войск, и, тем не менее, с трудностями справляется. Это был прямой упрёк Андерсу: командовать надо уметь! Затем он прямо сказал, что Андерс, по его мнению, слишком всё преувеличивает.

В принципе, Сикорский не соглашался с Андерсом ни по одному пункту телеграммы и квалифицировал намерение Андерса попросту как желание бежать, что равносильно дезертирству с поля боя. Он прямо-таки был возмущён такой постановкой вопроса.

В инструкции, которую Сикорский прислал на основе постановления правительства, он писал, что взаимоотношения с Советским Союзом необходимо довести не только до уровня хороших, но самых наилучших, и только борьба на фронте может и должна устранить всяческие недоразумения и укрепить дружбу.

Получив такую пощёчину, Андерс просто взбесился и всячески, не стесняясь, поносил Сикорского. И, несмотря на распоряжение, и приказ, и инструкцию просто не довёл до сведения своих подчинённых.

Увидев твёрдую и непримиримую позицию Сикорского, понимая, что от него он не получит никакой поддержки в осуществлении своих планов, Андерс удвоил внимание к англичанам. Он перешёл к прямым провокациям и лжи, стараясь внушить Гульсу, что он, Андерс, хочет предоставить англичанам много хороших польских частей, а Сикорский не понимает, какую услугу он оказывает англичанам, и хочет, чтобы армия оставалась в СССР. Зачем? Для чего? Вероятно, лишь на погибель.

Гульс с истинно британской флегмой выслушал бурно жестикулирующего поляка и ответил, что Андерс напрасно беспокоится — польская армия наверняка уйдёт из Советского Союза, и это уже решено. Он сам едет по этому вопросу в Москву, вернётся через несколько дней и тогда обо всём расскажет.

Вдохновлённый разговором с английским подполковником, польский генерал по собственной инициативе послал Сталину письмо с просьбой дать согласие на вывод польских войск на Ближний Восток. Мотивы были всё те же: трудности с продовольствием, недостаток оружия, климатические условия. И тут же привычно соврал, что армия после её обучения и вооружения вернётся в СССР.

Сикорский об этом ничего не знал. А Гульс через два дня действительно вылетел в Москву, завернув по дороге в Куйбышев для встречи с послом Котом. Он обсуждал с ним детали вывода польских войск на Ближний Восток. Англичане считали это дело необходимым и срочным, так как в середине июня английские части на Ближнем Востоке потерпели большое поражение, и возникала опасность, что вся их оборона в этом районе может не выдержать. Поэтому польская армия там крайне нужна.

Андерс в это время стал объезжать все польские части и заверять их в скорой эвакуации. Этим он усиливал возбуждение солдат. Всем обещал, что с момента отъезда и прибытия в Иран для каждого наступит отдых и сущий рай. Какая там война!..

29. Они уходят...

Утром 7 июля в Ташкенте подполковник НКВД Тишков, замещавший Жукова, поставил Андерса в известность о получении телеграммы, в которой советское правительство выражало своё согласие на выход польской армии из пределов СССР.

Почему же пошли на это? Советская сторона прекрасно знала, какая атмосфера царит в польской армии. Ей было известно, что командование армии не хочет, чтобы она пошла сражаться на Восточный фронт.

Советское правительство также хорошо знало, что эта армия самым враждебным образом относится к Советскому Союзу.

Знали также о разведывательной деятельности, проводимой польским военным атташом и представителями общественной опеки. Имея все эти данные, советское правительство отдавало себе полный отчёт в том, что на польскую армию оно рассчитывать не может, что это не дружественная, а явно враждебная армия.

При всём этом английское правительство со своей стороны нажимало на СССР с требованиями о выводе польских войск. Гульс подчёркивал неоднократно, что этим вопросом занимается лично Черчилль.

И английский премьер был просто счастлив, когда его усилия увенчались успехом. За согласие на вывод польской армии из СССР Черчилль в телеграмме от 17 июля 1942 года благодарил лично Сталина, выражая свою признательность за передачу польских дивизий для защиты Ближнего Востока.

Знаменательно и интересно: Черчилль не выразил благодарности за польские части ни польскому эмигрантскому правительству, ни Сикорскому, а только Сталину!

31 июля 1942 года состоялось советско-польское совещание, на котором были установлены окончательные условия эвакуации — вопросы передачи имущества, формы выезда, время и количество людей, подлежащих эвакуации. После совещания оформили специальный протокол.

Было на этом совещании согласовано, что эвакуация будет продолжаться с 5 по 25 августа. Андерс тут же заверил, совершенно голословно, что по прибытии в Пехлеви части тотчас же перейдут в распоряжение английских властей, с которыми имеется полная договорённость.

И ещё один жест сделал Андерс. Он сам добровольно предложил предложить в распоряжение советских властей излишек английского обмундирования, который имела польская армия, — около тридцати тысяч комплектов...

С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок!

Последняя польско-советская военная конференция состоялась 31 августа 1942 года. На ней был подписан протокол эвакуации.

Ровно через год после подписания соглашения о польско-советском сотрудничестве и взаимопомощи в войне, командующий польской армией Андерс подтвердил своей подписью, что "...польское правительство, вопреки соглашению между СССР и Польшей, не считает возможным использовать на советско-германском фронте польские войска, сформированные в СССР".

То есть расписался в польской подлости.

Советский писатель В. Иванов записывал в те дни в своём дневнике: *"Поляков отправляют в Сирию. Они увезли с собой Театр миниатюр, джаз-банд, продают ботинки, чулки и прочее, что им высылают из Англии"*.

Писатель хорошо знал ситуацию, делая подобную запись в своём дневнике. Уже давно польские военные стали привычными на среднеазиатских базарах, в особенности на ташкентском. У местных жителей и эвакуированных появилось даже устойчивое выражение: "купить у поляка" или "достанем у поляков". Довольно быстро в нашей стране определение "поляк" из национального стало профессиональным. Слово "поляк" стало названием профессии... Поляк — это не национальность, это профессия.

К 1 сентября 1942 года эвакуация польских частей была закончена. Как быстро они смотались, быстрее, чем ударили от немцев двумя годами раньше! Всего из СССР выехало около 80 тысяч военнослужащих и более 37 тысяч членов их семей. 12 тысяч польских военнослужащих, в том числе моряки, лётчики, танкисты, были направлены в Англию. Большая часть польской армии — 69917 человек — проследовала в Иран. С ними было и огромное количество женщин и детей — семьи и родственники.

После вывода польской армии в Иран военное соглашение от 14 августа 1941 года утратило свой смысл. Стало совершенно ясно, что эмигрантское правительство не заинтересовано в союзническом сотрудничестве, у него иные цели, и оно после войны станет проводить в отношении СССР всё тот же враждебный курс, что и прежняя Польша в 1918—1939 годах. Но англичане должны были быть довольны. Теперь было кому охранять нефтяные вышки в Ираке.

30. Итоги

Но были среди старших польских офицеров и честные, нетрусливые люди, прекрасно понимающие, откуда надо начать борьбу за освобождение Польши. Ряды андерсовцев покинула и отказалась эвакуироваться в Иран большая группа офицеров во главе с полковником З. Берлингом.

Они прямо и честно, по-солдатски, заявили, что намерены, пусть и в рядах Красной армии, сражаться на советско-германском фронте за демократическую и дружественную к СССР Польскую Республику.

Именно эти офицеры в начале 1943 года поставили вопрос о сформировании и 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко, а затем и польской армии, которая будет реально участвовать в освобождении своей родины, а не охранять английские нефтяные вышки.

28 апреля 1943 года председатель Союза польских патриотов в СССР В. Василевская обратилась к Сталину с письмом, в котором была изложена просьба разрешить формирование в СССР польской воинской части.

У тех же, кто стремился спрятаться от войны в Иране, была своя логика. В течение двадцати лет офицерский корпус Польши воспитывался в ненависти к России, ему усиленно внушалась мысль, что все несчастья страны происходят лишь по вине России, а не из-за того, что Польша веками не может достичь внутреннего порядка. Отсюда и метания, и вопли о "Великой Польше от моря до моря", попытки демагогией и пустозвонством газет и речами сеймовых демагогов отвлечь население от внутренних проблем, которые правящая компания просто не может решить.

...Красноводский порт находится в глубине бухты, окружённой высоким восточным берегом Каспийского моря. От самого моря он отделён широкой отмелью, которую суда, входящие в порт, вынуждены осторожно обходить. Поэтому медленно направляющийся в порт корабль видно издали и задолго.

Судно, пришедшее из иранского порта Пехлеви, ещё и не подошло к причалу, а собравшиеся на высоком берегу поляки уже радостно заволновались.

Они нетерпеливо ждали команды спуститься по довольно крутой дороге, ведущей прямо к причалам. Наконец, команда поступила, и польская колонна, всё ускоряя шаг, двинулась по дороге вниз, к морю. Где-то на полпути ряды смешались, все заторопились, словно опасаясь, что только что пришедшее судно вдрызг отплывёт и не захватит их с собой.

На пристани, у самого трапа, уже не было стройной польской колонны, что ожидала погрузки наверху. Теперь это была какая-то неорганизованная толпа, с сумасшедшими глазами рвавшаяся на посадку. Наконец, разместились. Рядовых загнали в трюм, старшие офицеры разместились по каютам, младшие устроились на палубе, старясь укрыться за корабельными надстройками от резкого каспийского ветра.

... Наступил момент отхода, и польские офицеры, собравшиеся на корме отходящего судна, готового увезти их в сказочную страну, в вожделенную Персию, устроили последнее шоу.

Не умея ничем иным выразить свою ненависть к России, как только жалким и глупым жестом, они стали демонстративно разрывать и бросать за борт в море полученные ими советские деньги. И розовые банкноты в три червонца, которые они, кстати, свободно могли поменять на любую валюту в каждом заграничном банке, летели за борт.

Денег у них было довольно много – советские власти платили бездельникам почему-то щедро. И, несмотря на распоряжение своего командования сдать всю советскую валюту для нужд гражданского населения, польские офицеры этих денег не сдали. Их сдавали лишь рядовые солдаты.

Это был не просто глупый, но и совершенно хамский жест. Но поляки уже ничего не боялись, они считали, что теперь можно хамить русским в открытую – за ними же англичане!

Интересно, повторяли ли они при отплытии: “О, польская земля! Ты уже за кормой!”? Им бы ещё поставить по судовой трансляции пластинку с полонезом Огинского “Прощание с отчизной”. Жаль, что никто не догадался...

Это очень по-польски: постоянно жить в мире иллюзий и не замечать повседневной реальности. Польские офицеры-дезертиры ненавидели русских не только по традиции. Это вошло уже в польскую генетику. Что делать, поляки помнят только свои обиды. Они стали ненавидеть своих бывших товарищей, которым обещали боевое братство, и предали их. За это они тоже ненавидели русских. Это была самая жгучая, потому что бессильная ненависть. Ненависть с осознанием совершённой ими самими подлости. Это полностью соответствовало самой природе предательства.

Это было предательство от страха, но оно бывает и от обиды, от честолюбия, даже от сознания собственного ничтожества и ещё от многих причин. Они и сами себя ненавидели – за трусость. Ведь они не дураки и прекрасно видели, что они трусы и дезертиры, а в условиях тех дней поступают просто, как подлецы...

Как не вспомнить тут слова Черчилля, сказанные о поляках: “Всегда существовало две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости”.

Англичане очень быстро поняли, что в действительности представляют собой их новые союзники из “армии Андерса”, но что они могли с ними поделать?

На фронт поляки идти не хотели, уклонялись под разными предложениями. Вовлечь их в военные действия удалось с большим трудом и лишь в конце 1943 года.

.....

Николаю Леонидовичу Плиско — 70!

Сердечно поздравляем нашего друга и автора с юбилеем!

Редакция